

476-т.б
ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — СМОЛЯНЕ

2351/б.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

ТВОЙ БРАТ ВОЛОДЯ КУРИЛЕНКО

(ВЕНОК ГЕРОЮ)

2351/б.

ОГИЗ—СМОЛГИЗ

Смоленск.

1944

ена 50 коп.

V. N. Karazin Kharkiv National University

00645387

5

1) 32B 355.11

2) 8(c)2

3) Трактат - Напи-
сан

Свирепое лихо ползет по родной стране. Безмолвная пустыня остается позади него. Там кружит ворон да скулит ветер, пропахший горечью пожарищ, да шарит по развалинам много-рукий иноземный вор...

Второй год от моря до моря, не смолкая ни на минуту, гремит стократное Бородино Отечественной войны.

И громче орудийных раскатов звучат тихие и строгие, как молитва, слова героя:

— За свободу, честь и достояние твое... в любое мгновение возьми меня, Родина. Все мое—последний жар дыхания и пламя мысли, и биенье сердца—тебе одной!

Нет, не устыдятся своих внуков суровые и непреклонные пращурьы наши, оборонявшие родную землю в годы былых лихолетий. Никогда не поредеет это племя богатырей, потому что самый слух о герое родит героев.

Сверкающей вереницей они проходят перед лицом Отечества. Опаляют разум картины их нечеловеческой отваги. Вот красноармеец заслоняет собой амбразуру пулеметного гнезда, чтобы преградить дорогу смерти и обезопасить идущих в бой товарищей. Вот сапер, когда разбило осколком его миноискатель, голыми руками, наощупь и в сыпучих сугробах по пояс расчищает перед штурмом минированное поле. Вот, как реликвию, приколов поверх бушлатов по клочку нахимовского мундира, идет в последнюю атаку севастопольская морская пехота...

Родина скорбит о павших, но забвенью никогда не поглотит памяти об этих лучших из ее детей.

Память народа—громадная книга, где записано все. Народ наш хорошо помнит причиненное ему горе. Не забудем ничего: ни детской слезинки над трупом заколотой матери, ни поруганных наших святынь, ни вырезанной груди девственницы, ни даже сломленного в поле колоска.

Когда стихнет военная непогода и громадная победа озарит дымные развалины мира, и восстановится биенье жизни в его перебитых артериях,—лучшие площади наших городов будут украшены памятниками бессмертным. И дети будут играть среди цветов у их гранитных подножий и грамоте учиться по великой заповеди, начертанной на камне:

— Любите родину свою, как мы ее любили...

Запомним их лица, друг! Запомним навсегда эту гордую, по-орлиному склоненную к земле голову Гастелло, и хмурые, опаленные пламенем неравного боя лица двадцати восьми, и строгий профиль Зои, и честный, простой, как небо Родины, взор партизана Володи Куриленко.

Мы никогда не знали его в лицо, хотя он жил среди нас, скромно выполняя повседневную свою работу. Трудно начертить спокойный его портрет нашими обиходными словами. Немного рассказали о нем его овеванные славой соратники. Еще гремят поля войны, и дорого каждое мгновение, и скупо цедятся слова.

Знакомься же с ним, современник!

Вот он стоит перед тобой, Владимир Тимофеевич Куриленко, голубоглазый, русоволосый русский парень, совсем юный. Он родился двадцать пятого декабря тысяча девятьсот двадцать четвертого года. Семнадцать лет ему исполнилось в партизанском отряде, когда он умел уже не только стрелять, но и попадать в самое сердце немца.

Он — сын учителя на Смоленщине. Восемь лет провел он в школе. Всегда нес многочисленные общественные нагрузки. Последовательно руководил ученическим комитетом, пионерским отрядом, комсомольской организацией. С малых лет его влекло к себе широкое океанское раздолье, где меряется со стихией, волей и выдержкой своими человек. Но природа не поместила на Смоленщине седого и грозного океана, который грезил Володе. Да и море, как известно, на Смоленщине не шумит. Все же Володя создал отряд „юных моряков“, и уж, наверное, армады детских корабликов ходили по тамошней речке, и уж, конечно, адмиралом среди товарищей своих был этот статный и крепкий паренек...

Позже в особенности привлекла его романтика военного дела; ему хотелось строить и изобретать. Он даже сердился на свою молодость, мешавшую ему поступить в Ленинградскую военно-инженерную школу... Он был принят туда шестого июля тысяча девятьсот сорок первого года, — все, даже самые мелкие, даты важны в этой краткой и такой емкой биографии. Уже сбывалась мечта... и не сбылась, разрушенная, как и миллионы других молодых мечтаний, вторжением немецких громил. Ленинград был отрезан фронтом. Германская орда потекла на Русь. Детская склонность к военным занятиям пригодилась; больше того, она стала потребностью дня. Такова первая страница в анкете героя.

Когда первые немцы появились в Володиных местах, где каждый кусток, каждую полянку он любил с неосознанной еще детской привязанностью, он сразу занял свое место со взрослыми. Отец Володи принадлежал к той замечательной категории народных учителей, которые собственным примером своим учат молодых граждан поведению в жизни. Тимофей

Куриленко встретил гитлеровских посланцев пулеметным огнем, и два сына его, Владимир и пятнадцатилетний Геннадий, помогали ему при этом.

— Учитесь, учитесь, детки, этой азбуке войны, без которой пока нельзя быть спокойным за свое счастье на земле!...

Это был новый вариант старинной и любимой у нас песни о Трансваале, о родине, горящей в огне, и об отце, который повел своих юных сыновей бороться за свободу. Засада Тимофея Куриленко изменила направление неприятельского удара. Свернув с намеченного пути, немцы наткнулись на регулярные части Красной Армии и были искрошены. Полтора-два трупов и десятки разбитых машин — вот первое наглядное пособие, которое народный учитель показал своим сыновьям.

Несколько позже, в августе сорок первого года, Володя самостоятельно организует партизанский отряд из ребяток своего селения. Он сам становится педагогом в этой боевой школе. И вот наступает первый скромный урок, первая встреча с завоевателями, покорившими пол-Европы. Мальчики мужественно ложатся в засаду у дороги. Грузовая машина, громящая железной посудой, проходит совсем близко. И вровень с ней стволы винтовок движутся в высокой траве. Ребятки хорошо знают этих незваных гостей: „доильцы“, сборщики молока для германской армии. Кроме молока они отбирают также яйца, хлеб, мясо, вилки и ножи, сарафаны и ведра, — доброму вору все впору! В особенности вон тот, что сидит поверх бидонов, знаком и ненавистен Володе: этот выдающийся мастер немецкого разбоя, отлично изучивший русский язык в пределах своей грабительской деятельности, давно заслужил добрую порцию партизанского свинца.

— Огонь! — сурово произносит юноша.

Хрипят тормоза, машина останавливается. Володя сердито кусает губы: эх, сколько промахов враз, да еще по такой мишени! Выскочив, немцы залегли под откосом — все, кроме того, белесого, который медленно, оскалив зубы, сползает с бидонов. Какое розовое молоко теперь течет и хлещет сквозь щели автомобильного кузова! Жаркая перепалка. Необстрелянные Володины юнцы разбегаются с поля боя. Значит, это дается не сразу... Хорошо! Оставшись один, Володя припадает к пулемету: „Вот я их!“ Одиночный выстрел, очереди не последовало. Второпях растерялся и сам командир. Что это, поломка пулемета? Он же сам чистил и разбирал его накануне... Полудетское замешательство: в мгновение ока надо припомнить все, что проходили на специальных занятиях в школе. „Так почему же, почему же не стреляет?“

— Забыл, забыл... — шепчут губы.

Это похоже даже на экзамен, но грозный экзамен, где экзаминаторами — жизнь и смерть... В минуту затишья немцы вска-

кивают в машину. Володя снова хватается за винтовку: это проще. Ага, еще один свалился, точно нырнул в зеленую некошеную траву. А вот и немецкий офицер, согнувшись, хватается за живот.

— Смотри, не обожги себе утробы горячим русским молочком, майор!

Однако немецкий шофер успевает завести мотор. И только теперь Володя понял свою ошибку: он просто забыл нажать предохранитель пулемета. Немецкая машина пускается наутек. Их гонит животный страх перед русским партизаном, хотя бы это был только Володя Куриленко. Закусив беззусую губу, он посылает вдогонку длинную, не очень меткую очередь.

А вечером в укромном месте, где-нибудь в уцелевшем овине, состоялись, наверное, занятия с отрядом. Никто не глядел в лицо друг другу, и с недетской серьезностью звучал басок Володи:

— Ничего, товарищи, учимся. Однако рассмотрим все-таки причины этой неудачной операции...

Конечно, он не бранил их, он всматривался в эти смущенные, добрые лица колхозных ребят, искал слово поддержки, чтобы разбудить в них сноровку, стойкость и великую силу к сопротивлению.

В сентябре немцы высылают уже крупные карательные соединения против партизанских сил, куда полностью влилась и группка Володи Куриленко. Началась лютая охота на непокорное и непокоренное население. Отряд Куриленко был окружен в деревне. Уже каратели идут по избам, но командиру удалось просочиться сквозь самые пальцы ночной облавы. Несколько человек из отряда попадают в плен к фашистам. Приговор им вынесен заранее. Подобно тем прославленным восьми волоколамским комсомольцам-мученикам, они погибают на виселице.

Каратели трудятся. Варвары в гестаповских мундирах убивают и жгут. Пепел и слезы, слезы и пепел — вот удел занятых врагом областей. Но из каждой серой пепелинки родится по герою. Дню всегда предшествует ночь... Наступила черная осень тысяча девятьсот сорок первого года. Отступление Красной Армии. Первый снег кружится над поруганной землей, и топтать его некому: ни скотины, ни собаки, ни человека. Тихо в этой искусственно созданной пустыне, где с одного края висит теперь огневая завеса разрывов. Куриленко возвращается к отцу, в деревню, и снова на некоторое время становится прежним Володей. В сердце одна мысль: „Ничего, выстоим, выдюжим! Не для того мы рождались на свет... и еще не спеты полностью наши песни!“

Тайком он устанавливает радиоприемник, — пригодилась детская любознательность. Вместе с родными в темные ночи он слушает передачи из такой близкой и такой далекой теперь

осажденной Москвы. Громче, громче бейте часы на Спасской башне: миллионы преданных сердец слушают вас в эту ночь! А чуть забрезжит утро, Володя отправляется в путь, с ломтем хлеба за пазухой. Он разносит слова правды, которую узнал ночью, по всем отдаленным местностям района. В сельсоветах знают, любят и ждут его. Куриленко становится живой газетой: в нем достаточно разума и знания для передовой статьи, хватит памяти для хроники и разящего сарказма на фельетон. Трудное и почетное дело в условиях глубокого немецкого тыла и железных законов оккупации!

Так идут месяцы. Декабрь. Могучие удары сибирских дивизий под Москвой. Они разносятся по всему миру. Это добивают глупый миф о непобедимости германской армии. Хмуро улыбается Жуков, и вытирает испарину с битой физиономии фон-Бок. Фронт снова приближается к родным Володиным местам. Скоро, совсем скоро взметнется под ногами поработителей эта измученная, раскромсанная земля. А пока, таись и жди своего часа, гордый мститель Смоленщины!..

... — В январе не выдержало сердце. Отца и брата Володя уводит в лес, в жгучую морозную неизвестность. Оказалось, там кочевал тогда отряд славного партизана товарища Ш. Часть февраля уходит на разведку, на установление правильной связи с Красной Армией. Приходится много раз пересекать огневую линию фронта. У Владимира Куриленко накапливается богатый опыт диверсии, шлифуется мастерство партизанского действия. Ненависть к врагу — вот всенародная академия, где он получал свое военное образование. Теперь уже никакая внезапность не застанет его врасплох. Зрелость приходит в его трудную, чреватую опасностями юность. Партизан всегда бьется с численно превосходящими силами противника. „Четверо против шестидесяти восьми? Ничего! Великая мать смотрит на нас, вперед!“

Теперь молодой Куриленко поспевает везде. Ему хватает времени на все, точно он сторукий. Все партизанские специальности знакомы ему. Вот дополз слух о состоявшейся в одной деревне организации полицейского отряда для борьбы с партизанами. Володе дается поручение — обратить в пададь изменников Родины. И он с друзьями выполняет приказ. Это он за каких-нибудь полтора месяца, сообщая с товарищами, спускает под откос пять вражеских поездов с боеприпасами и живым солдатским грузом. Это он взрывает мосты на магистралях и доводит до сведения нашего командования данные об образовавшихся на путях пробках. И стаи краснокрылых наших птиц расклеивают дочиста скопления вражеских эшелонов...

Порою, кажется, юноша дразнит судьбу: как будто не одну, а сотню жизней подарила ему Родина. И тут начинается широкая, как река, песенная слава партизана.

Умей расшифровывать, увидеть в недосказанных подробностях сухую газетную сводку, современник! Это стенограммы Народной войны. Вот одна из них:

„13/IV 1942 г. Подбита машина. Уничтожено 4 немца. Куриленко с товарищами“.

Приблизь к глазам эту скромную запись, современник.

Видимо, ранняя шла в том краю весна. Талая каша стояла под снегом, почернелым и источенным, хрупким, как стеклянное кружево. Уже на возвышенностях, где днем пригревало солнышко, глубоко увязали ноги. Трое, во главе с В. Куриленко, шли на выполнение боевой задачи. О, столько раз описанное в литературе предприятие и ни разу не описанное до конца! Мост. Река встала на их пути. Слабо мерцал в сумерках этот синий, истончавший ледок, кое-где уже залитый водой. На задней кулисе туманного леска тревожно чернел силуэт самой цели. По зыбкому, гибельному льду, чуть схваченному вечерним морозцем, подрывники перешли реку. Остался еще ручей: он клокотал и шумел всеми голосами весны; здесь пришлось перебираться вброд. К мосту подошли уже мокрые по пояс. Спокойно и деловито закладывали кеглю, когда Миша, товарищ Куриленко, сигнализировал о приближении вражеской автомашины. Жалко было упускать и эту маленькую цель. Здесь было достаточно удобное место для засады, в глубоком затоне ручья. Трое залегли в воду; только глаза, гневные и зоркие глаза их, остались над поверхностью...

Мы не знаем, как тянулись эти минуты ожидания. Те, которые еще бьются с врагом на Смоленщине, расскажут потом подробнее про этот вечер. Наверное, пронзительная тишина стояла в воздухе апреля. И, может быть, Володя спросил шопотом, чтобы шуткой поддержать товарища:

— Что, не промок, хлопец?

— Кажется, коленку замочил ненароком, — шуткой же отвечал тот. — А что?

— Ничего... Смотри, не остудись. Этак и насморк можно заработать, хлопец!

Ближе стеклянный хруст ледка в подмерзших колеях. Вот и свет фар показался на дороге. Кто-то шевельнулся в засаде. Желтые латунные блески пробежали зыбью на воде.

— Начнем с гранаты, хлопцы!

Трудно кидать эту чугунную игрушку заколеченной рукой. Но не промахнись, партизан! Взрыв, и мгновение спустя басовитое одобрительное эхо вернулось от леска к засаде Куриленко. Машину почти сошвырнуло с дороги, но она еще двигалась. „Теперь стрелять“. Четырех убили, пятерых ранили; безотказно действовала эта ловкая машина — ППД. Из строений ближней МТС, где расположились немцы, уже бежали, галдя и стреляя наугад, полуодетые фигуры солдат. Обшарили все, прострочили всякий кусток, черневший на берегу, но все было недвижно: и

вода, и мертвые солдаты на завоеванной ими земле, и дальний лесок, охваченный чутким безмолвием весны...

Она вступила в свои права, весна. Повеселели лужи на припеках; тонким, почти бесплотным туманцем окутались рощи. И птицы, каких еще не разогнал орудийный грохот, шумели иногда в лесных вершинках. Подступала пора великих работ на земле, но не было их, мешали немцы. Злее становились удары исподтишка, в затылок врага. И ровно месяц спустя после упомянутой операции, снова наступил один отличный вечер, уже проникнутый тончайшим ароматом целомудренной русской флоры. Снова отправлялись в путь партизаны. И опять их было трое, с Куриленко Володи во главе. Теперь они свою взрывчатку заложили под железнодорожное полотно и терпеливо ждали, как ждет рыболов своей добычи на громадной и безветренной реке.

Сбивчивые стуки пошли по рельсам; земля подсказала в ухо партизану:

— Пора!

Володя выждал положенное время и крутнул рукоятку своей заветной машинки. Тихий русский вечер по-медвежьи, раскоряко, встал на дыбы и черную когтистую лапу взрыва обрушил на вражеский эшелон. Гаркнула вокруг тишина; вагоны с их живой начинкой посыпались под откос, вдвигаясь один в другой, как спичечные коробки... И где-то невдалеке трое юношей, исполнители казни, наблюдали эту страшную окрошку из трехсот фрицев-„завоевателей“.

— Люблю большую и чистую работу, — сквозь зубы процедил Володя Куриленко и повернулся уходить.

Он был веселый в тот вечер. Легко и вольно дышалось в майском воздухе. И хорошо было чувствовать, что Родина опирается о твое надежное комсомольское плечо... Они шли молча, и необъятная жизнь лежала перед ними в дымке юношеских мечтаний... На ночь они расположились в деревне С., и никто не знал, что это была последняя ночь Володи Куриленко.

В полночь деревня была охвачена кольцом карательного отряда. Началось молчаливое избивание людей, не пожелавших выдать спрятанных партизан. В перестрелке был насмерть сражен друг и соратник Володи, комсомолец К. Сам Куриленко, раненный в голову и живот, продолжал отстреливаться. Каратели подожгли дом, в котором засел Куриленко. Пламя хлестнулось в окна, зазвенело стекло, черная бензиновая копоть заструилась в нежнейшем дыхании ночи. Тогда товарищ Володи — А., владевший языком врага, крикнул по-немецки в окно:

— В своих стреляете, негодяи!.. Кто, кто стреляет?

Пальба прекратилась, и в этот краткий миг передышки Куриленко и А. высочили из избы на огород, не забывая при этом унести и оружие убитого товарища.

Кое-как они дотащились до соседней деревни. Незнакомая

Володе смертная слабость овладевала его телом. Так вот как это бывает!.. „Ничего, крепись, партизан: Чапая было еще труднее, когда он боролся один-на-один со смертью и воды Урала тянули его вниз... Помнишь Чапая, которому ты клялся подражать в детстве вместе со всем твоим поколением, Володя?“.. Крови становилось меньше, он уже не мог стоять, когда добрались до деревни... Неизвестный друг запряг им лошадь и положил, сколько влезет, со омы на дно телеги. Чтобы не увеличивать мук раненого, медленно двинулись в путь. Лошадь шла шагом.

— Крепись, крепись... еще немного, Володя, — шептал товарищ.

Откинув голову, ослабев от потери крови, Куриленко лежал в телеге. Тысячи самых красивых, самых здоровых девушек в стране без раздумья отдали бы кровь этому герою и всю жизнь потом гордились бы этой честью. Но не было никого кругом, кроме друга, бессильного помочь ему, да еще великого утреннего безмолвия. Наверное, затылок с непокорными юношескими вихрами, смоченными кровью, колотился о задок телеги, и голубой взор был устремлен в бесконечное доброе небо Родины, едва начинавшее голубеть на рассвете.

Он слышал все в этот час: всякий шорох утра, каждый запах, веявший с поля, треск сучка, шелест земли, разнимаемой колесом, просвист птичьего крыла под самым ухом... И уже бессильный повернуть голову, он узнавал по этим бесценным мелочам облик того, что так беззаветно и страстно любил... Боль уже прошла, но это означало приближение смерти. Только легкая и острая тоска по Родине, покидаемой навсегда, теплилась в этом молодом и холодеющим теле. Вот оборвалась и она...

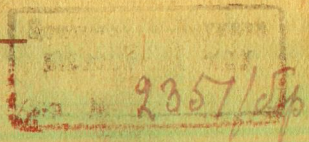
Такова последняя строка в анкете героя.

„Недолго жил, да славно умер“, — говорит русская древняя пословица. Он умер за семь месяцев до своего совершеннолетия.

Прощай! Отряд твоего имени мстит сейчас за тебя на Смоленщине.

Не плачь о нем, современник! Копи в себе святую злобу. Но вспомни Володю Куриленко, когда ты будешь идти в атаку. Это придаст тебе ярости и силы... На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним вспомним тебя, Володя Куриленко!

Указом правительства от 1 сентября 1942 года Володе, Куриленко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Леоних Леонов;
„Твой брат Володя Куриленко“.
Редактор Н. И. Рыленков.
Корректор Н. А. Гуревич.
Подписано к печати 15/VII—44 г.
Печатных листов 0,75,
уч. авт. л. 0,5 Цена 50 коп.
Смоленск, тип. им. Смирнова.
НК № 00001. Заказ № 543.
Тираж 5000 экз.